

*Ю. А. Карпенко
(Черновцы)*

О СИНХРОНИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Традиционные топонимические исследования были направлены на то, чтобы установить связь: 1) между топонимическими названиями и объективной действительностью или же 2) между топонимическими названиями и другими словами языка.

Первая из этих двух работ по топонимике по сути имеет целью определить степень и характер отражения объективной действительности в собственных географических названиях. Задачей ее является добыча из топонимов максимально большей информации об объективной действительности. Чаще всего речь идет об определении национального состава древнего населения территории, о вопросах этногенеза, установлении миграций, о занятиях и мировоззрении древнего населения и т.д. При этом наибольшее внимание обращается на доисторический период, где свидетельства топонимики не встречают особой конкуренции со стороны других источников. Исследования этого рода принадлежат преимущественно перу топонимистов-нелингвистов: историков археологов, географов.

Вторая же группа работ по топонимике фактически имеет целью определить степень и характер отражения лексического состава языка в собственных географических названиях. Основное внимание в этих работах сосредоточено чаще всего на самих топонимах, а не на тех словах, с какими они связаны этимологически, однако и здесь топонимы выводятся за пределы собственно топонимики. В работах этого рода исследуется происхождение собственных географических названий, их языковая принадлежность, их древнее значение и изменения в их значении и т. д. Конечной задачей этих исследований, принадлежащих преимущественно топонимистам-лингвистам,

является идентификация элементов топонимики с другими элементами языка. Качество исследования определяется убедительностью такой идентификации. Эти две группы существующих топонимических исследований объединяются тем, что они: 1) изучают топонимические названия исключительно диахронически, видят в них только средство проникновения в прошлое; 2) выводят изучаемые топонимические названия за пределы топонимики, что препятствует определению их места среди других топонимических названий. Различаются же они прежде всего тем, что в одних случаях топоним лишь вычленяется из числа других топонимических названий, но остается в пределах языка, а в других случаях идут дальше и делают из топонимов выводы о вещах, находящихся за пределами языка (история, география и др.). Заметим кстати, что эти выводы возможны лишь при посредстве лингвистической интерпретации топонимов, то есть упомянутой идентификации элементов топонимики с другими элементами языка. Поэтому топонимическое исследование не может не быть лингвистическим исследованием.

При таком положении дел в топонимических исследованиях неудивительно, то существует взгляд на топонимику как на вспомогательную науку. Никто не оценивает, например, синтаксис по тем данным, какие он может дать для фонетики или морфологии. Между тем топонимику принято оценивать именно так. В этом случае, по-видимому, ограниченность задач и несовершенство методов, свойственное определенному этапу развития топонимической науки, признаются вообще присущими топонимике.

С возрастанием интереса к топонимике все большее число представителей разных наук обращается к ней, пытаясь получить помощь в решении тех или иных специальных вопросов. При этом обращение к топонимике зачастую становится своеобразным свидетельством неблагополучия в решении какой-либо проблемы: к топонимике обращаются тогда, когда лучшие, более надежные аргументы исчерпаны или отвергнуты.

Но ведь топонимика имеет свой отдельный объект изучения, вырабатывает свои методы и является, таким образом, отдельной наукой. Поэтому в топонимике всестороннее изучение собственных географических названий

является непосредственной задачей, а извлечение исторических, географических и лингвистических (для других областей языкознания) выводов — побочным продуктом.

Вполне понятно, что многие исследователи интересуются именно этим побочным продуктом, тем более что топонимическая наука у нас почти не имеет собственных кадров. Однако попытки (получения из большего или меньшего количества изученных топонимов непосредственно нетопонимических следствий нарушают «технологию» исследования, а поэтому и искажают такие следствия. Сначала, очевидно, надо всесторонне изучить всю совокупность топонимии какой-либо исторически сложившейся территории, а потом уже можно делать нетопонимические выводы.

Такой подход к топонимии в перспективе не уменьшит, а наоборот, увеличит, размеры и повысит качество побочных продуктов топонимической науки. Вместе с тем он будет способствовать сосредоточению научных сил на участках важнейшей топонимической проблематики.

Такой подход вызвал к жизни появление новой по методике и устремлениям группы топонимических исследований, которые посвящены установлению связей между одними топонимическими названиями и другими топонимическими названиями.

Если в прежних топонимических работах связующим звеном рассматриваемых явлений было время, то в этой группе работ связующим звеном все чаще становится территория, что соответствует специфике топонимов как четко локализованных слов. Если в прежних топонимических исследованиях рабочим приемом изучения собственного географического названия было выведение его за пределы топонимики, то здесь топонимы изучаются внутри совокупности топонимических названий, что позволяет выявить внутренние закономерности существования топонимических названий, а не только внешние закономерности связи топонимики с нетопонимикой. Между тем переход от эмпирического описания отдельных топонимов к выявлению топонимических закономерностей давно назрел.

Таким образом, изучение связи топонимических названий с объективной действительностью или с другими словами языка для топонимики необходимо, - но недостаточно

точно. Очень важно также изучать связи одних топонимических названий с другими, что и отражают работы по топонимике последних лет.

Такое изучение топонимических названий может быть уже не только диахроническим, но и синхроническим.

Топонимы часто и вполне заслуженно именуются историческими памятниками, реликтами прошлого и т. д., так как они действительно в известном смысле концентрируют в себе историю и консервируют прошлое. Поэтому изучение топонимов, как уже упоминалось, бывает диахроническим.

Здесь уместно коснуться много раз обсуждавшегося¹ вопроса о синхронии и диахронии. Все изменения всегда происходят, разумеется, только в настоящем. Поэтому диахронии как таковой собственно не существует. Диахрония — это бесконечное число пластов синхронии, наложенных друг на друга и связанных временем. Культ диахронии может заставить забыть эту довольно очевидную и простую истину, но от этого суть дела не меняется, и диахрония не перестает быть спроецированной во времени синхронией. Поэтому для понимания процесса исторического развития необходимо обнаружить и осмыслить закономерности существования фактов синхронии.

Для топонимики это положение особенно существенно, так как закономерности существования топонимических названий еще совсем не изучены.

Семантика топонимических названий, признак, по которому дается наименование, слово, образующее топоним,— это все существенно для населения лишь в момент образования, рождения топонимического названия. Затем эта семантика из топонимических названий довольно быстро выветривается, что доказывает ее несущественность для функционирования топонима.

Для населения, которое создает и использует топонимические названия, они не выражают историю, а являются знаками для различения географических объектов. Поэтому единственно существенным оказывается топонимические названия, они не выражают историю, а являются знаками для различения географических объектов. Поэтому единственно существенным оказывается топонимическое, а не этимологическое значение топонимов. Задача четкого различения географических объектов обуславливает существование топонимических

¹ Ср.: Сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., Изд-во АН СССР, 1960

названий, происходящие в топонимике процессы. Эта задача этимологически прозрачными и этимологически непрозрачными (для носителей языка) топонимами выполняется одинаково успешно. Этимологическая прозрачность, внутренняя форма топонимов оказывается, таким образом, факультативной, что и приводит к ее потере.

Этому положению как будто противоречит распространенность в топонимике народных этимологий, ложных сближений с другими словами, попыток осмыслить непонятный топоним. Народноэтимологические перестройки приводят к существенным изменениям топонимических названий. Например имя предместья г. Черновцы *Рошош* (из укр. *росош* > *росош*, *росіш* 'развилка [дорог]') изменилось в румынской языковой среде в *Роша* (под влиянием рум. *гошу* 'красный'), а затем в речи владеющего русским языком населения — в *Роца* (под влиянием русск. *роца* 'небольшой лес')². Топонимике известны тысячи случаев самых фантастических переосмыслений собственных географических названий. Такие переосмысления могут оказывать влияния и на топонимические работы, побуждая исследователя делать ошибочные выводы. Поэтому изучение подобных перестроек очень важно для топонимики.

Однако народноэтимологические перестройки вызываются вовсе не тем, что этого требуют условия существования, функционирования топонимов. Причины таких перестроек лежат за пределами топонимики. Топонимические названия подпадают под действие народной этимологии не потому, что они топонимические названия, а потому, что они — слова. Языковому чувству носителей языка свойственно присоединять непонятные слова к продуктивным лексическим гнездам. Топонимические названия не составляют в этом смысле исключения. Особая же распространенность в топонимах народных этимологий поясняется тем, что здесь по условиям функционирования топонимических названий скорее всего происходит потеря внутренней формы.

Деэтимологизация, как известно, распространена и среди нарицательных слов. Однако здесь есть существенное отличие. Деэтимологизации противоборствуют

² Ю. О. Карпенко. *Рошош (Роша), Рошенний, Росошани* Чернівецької області, та споріднені топоніми України.— Сб. «Питання топоніміки та ономастики». Київ, Вид-во АН УРСР, 1962, стр. 72—79.

семантические связи нарицательных слов, требующих по своей природе сохранения ясности этимологического родства — того, что А. А. Потебня называл «знаком» слова. В топонимических же названиях семантика начисто заменена территорией. Внутри одного класса топонимы по сути не имеют семантических различий, размежевуясь лишь пространством. Поэтому деэтимологизация осуществляется здесь значительно легче и быстрее, чем в нарицательных словах.

Таким образом, распространенность в топонимике народных этимологий не отрицает, а наоборот, подтверждает положение об относительно быстрой деэтимологизации топонимических названий. Эта деэтимологизация, вызванная условиями существования топонимов в языке, и открывает простор для народной этимологии, направляемой уже другими причинами.

Поскольку для функционирующих топонимов важно, чтобы они точно различали географические объекты, то есть не смешивались между собой, и вовсе несущественно, что они означают по своему происхождению, то в основу синхронического изучения топонимики и следует положить, по-видимому, этот факт. Такое изучение топонимики привлекает мало внимания. Однако без него нельзя выявить синхронную организацию, систему топонимических названий. А эта система, несомненно, существует, хотя бы потому, что каждая территория имеет много топонимических названий, и они должны быть как-то упорядочены, как-то организованы и согласованы между собой, чтобы иметь возможность выполнять свои функции.

Организирующим элементом топонимической системы, как и всякой иной упорядоченной лингвистической совокупности, являются противопоставления, в данном случае — противопоставления топонимических названий.

Система топонимических названий фиксирует три ряда различий:

1) Топонимы отличаются от нетопонимов. Здесь, по-видимому, представлено именно различие, но не противопоставление. Развитие топонимики неизменно усиливает это различие, увеличивает число его формальных выразителей.

2) Топонимы одного класса отличаются от топонимов другого класса, например названия рек — от названий

населенных пунктов. Здесь представлено уже противопоставление, но — групповое: совокупность топонимов одного класса противопоставлена совокупности топонимов другого класса. Это подтверждается, в частности, наличием разных моделей для разных классов топонимов. Однако «индивидуального» противопоставления одного топонима другому здесь как правило нет.

3) Топонимы одного класса отличаются друг от друга. Здесь выступает именно индивидуальное противопоставление топонимических названий, которое собственно и составляет организующую основу топонимической системы. Подобно этому в лексической системе языка основные противопоставления реализуются внутри лексико-семантической группы. Отличие заключается лишь в том, что семантическую дистанцию в лексике заменяет территориальное удаление в топонимике: противопоставляются обычно наиболее близкие по территории топонимы одного класса.

Поскольку топонимическим контекстом является территории, синтагматические противопоставления топонимических названий реализуются в совокупности всех топонимов какой-либо довольно ограниченной местности. Синтагматические противопоставления топонимов, таким образом, нелинейны.

Парадигматические же противопоставления представлены теми топонимами одного класса и опять-таки одной территории, которые имеют какой-либо общий знаменатель — общее основное слово (*Нижний Мамон — Верхний Мамон*), общий корень (*Вижняца — Виженка, Полтава — Полтавка*), общий аффикс (*Вижняца — Бережняца — Брусница*) и т. д. Эти противопоставления топонимов соответствуют понятию топонимического ряда, предложенного В. А. Никоновым¹.

В такой связи, по-видимому, и следует рассматривать вопрос о степени системности топонимики. Топонимическая система включает все без исключения собственные географические названия определенной территории, объединяя их синтагматическими противопоставлениями. Однако гораздо более существенны, разумеется, парадигматические противопоставления, а они-то представлены

¹ В. А. Н и к о н о в. Закон ряда в географических названиях. «Onomastica», 1958, roczn. IV, zes. I, стр. 57—73.

не во всех топонимических названиях. Возникает топоним в парадигме, в определенном ряду. Но история может разрушить этот ряд. Есть немало топонимов, стоящих особняком, вне парадигмы или входящих в состав исчезающих парадигм. Такие топонимы подвергаются «втягивающему» воздействию системы, на них в какой-то форме распространяются сильные в данный период, то есть продуктивные, парадигмы. Взаимодействие и борьба топонимических рядов — существенная составная часть развития топонимики.

Поэтому и топонимическая система в целом, вызывая в собственных географических названиях многообразные изменения, является одной из важнейших движущих сил развития топонимов. Без выявления и изучения топонимической системы нельзя, очевидно, правильно интерпретировать и эти изменения топонимов, нельзя выявить глубинные закономерности их развития. Так, невнимание к синхронии в топонимике отражается на диахронии.

Топонимы одной и той же территории возникают в разное время, на разной — в зависимости от национального состава населения и иных исторических обстоятельств — языковой основе и образуются от разных лексем. Поэтому топонимы, хотя они и входят в какой-либо ряд, различны, так сказать, от рождения, независимо от необходимости отличаться друг от друга. И действие топонимической системы направлено прежде всего не на то, чтобы отдалить топонимы друг от друга, а, как это ни парадоксально, на то, чтобы сблизить их между собой.

1. Топонимическая перестройка словообразовательных моделей. История старых славянских топонимических словообразовательных моделей свидетельствует, что первоначально они могли производить топонимические названия лишь от строго ограниченного, определенного круга лексем. Так, в эпоху Киевской Руси суффиксы *-овъ (-евъ)* и *-инъ* образовывали топонимы только от имен и обозначений людей, причем разграничение *-овъ* и *-инъ* тоже определялось производящим словом: *Василевъ, Киевъ, Ростовъ, Туровъ, Чернѣговъ* от *Василь, Кыи, Ростъ, Турь, Чернѣгъ*; *Микулинъ, Нѣжжатиинъ* от *Микула, Нѣжжата*. Суффикс *-j* соединялся тоже с личными именами, часто двухкорневыми: *Переяславль, Перемышль, Всеволожь, Изяславль, Святославль, Ярославль, Дорогобужь, Володимиръ* от *Переяславъ, Пе-*

ремысль, Всеволодь, Изяславъ, Святославъ, Ярославъ, Дорогобужь, Володимирь. Суффикс *-ьскъ* первоначально соединялся, возможно, только с названиями рек: *Полотьскъ, Витьбьскъ, Обрьскъ Бужьскъ, Курьскъ, Пиньскъ, Сновьскъ* от *Полоть, Витьба, Одра (?)*, *Бугъ, Кура, Пина, Сновь*. И, наконец, суффикс *-ьнь, ъна, ъно* соединялся с нарицательными названиями: *Червень, Родья, Дубьно, Лубьно.*

Выбор суффикса, таким образом, определяется тем, от какого слова образуется топонимическое название. Несколько упрощая картину, мы отвлекаемся здесь от довольно очевидных для древнерусского периода территориальных ограничений словообразовательных средств топонимики.

Однако позднее это состояние коренным образом изменилось, и выбор суффикса стал определяться не образующим словом, а тем, какой географический объект получает название, к какому классу будет принадлежать образуемый топоним. Стали возможными образования типа *Архангельск, Автово*, в которых суффиксы не согласуются по-старому с производящей основой, а лишь указывают на то, что результат образования является именем поселения.

Между классами топонимов произошел своеобразный дележ словообразовательных средств, и, например в украинской топонимике, суффиксы *-івці, -івка* закрепились за названиями населенных пунктов, а суффикс *-иця* — за названиями рек.

2. Словообразовательная перестройка топонимических названий. Описанное выше словообразовательное размежевание классов топонимов, после того как оно было создано топонимической системой, подчиняло своему действию вновь создаваемые топонимические названия. Но оно могло распространяться и на уже существующие топонимы. В этом мы видим основную причину широко представленного в топонимике наличия словообразовательных вариантов одного и того же топонимического названия.

Такие варианты особенно распространены на территориях с разноязычным населением, где встречаются две разных топонимических системы. Например, на территории Буковины каждое название населенного пункта на *-івці (-овцы)* имело или имеет и сейчас румыно-молдав-

жую параллель на *-эуць* или *-еиць*: *Чернівці* (*Черновицы*) — *Чернэуць*, *Давидівці* (*Давидовцы*) — *Давидеиць* и т. д.

3. Изменение рода топонимических названий. Колебания рода в славянской топонимике нередки. Вообще в топонимике в отличие от нарицательных имен существительных род, по-видимому, гораздо менее устойчив, чем число. Род, топонимов изменяется чаще всего под влиянием рода номенклатурных названий типа *город*, *озеро*, *река*. В идеале каждое село должно иметь название среднего рода, каждый хутор — название мужского рода, каждая река — название женского рода. Этот идеал никогда не достигается, как вследствие большой устойчивости топонимики, так и особенно вследствие наличия синонимических номенклатурных названий, принадлежащих к разным родам, например *река* и *поток*. Но тенденции этого порядка в топонимике несомненны. Например, самая высокая в Черновицкой области гора называется *Яровица*, а хребет, в который она входит — *Яровец*; одно село в Кельменецком районе Черновицкой области называлось ранее, согласно народной легенде, *Зеленый Яр* (мужской род); памятники и современное состояние дают форму *Зеленая* (женский род — от протекающей здесь реки); местное население называет это поселение иногда *Зеленое* (средний род — потому что это село).

Действие этих и подобных процессов приводит, с одной стороны, к сближению, приведению к своеобразному общему знаменателю топонимов одного класса (названия рек, названия населенных пунктов и т. д.), а с другой — к удалению, разграничению топонимов разных классов. Происходит упорядочение топонимических рядов, а в более общем плане — группировка топонимических названий по классам.

Противоположная тенденция вступает в силу, когда в одной местности возникают два или больше совсем одинаковых топонима одного класса. Для названий населенных пунктов, где это явление особенно распространено, одноименность является следствием: а) разделения одного поселения, б) основания одного населенного пункта выходцами из другого, в) случайного совпадения.

Одинаковые названия разных объектов не выполняют своего назначения, поэтому появляется различие. Диффе-

ренцирующими элементами чаще всего служат дополнительные определения к основному названию, например для населенных пунктов: *Старый — Новый, Большой — Малый, Нижний — Верхний* (*Старые Трояны — Новые Трояны, Большая Глуша — Малая Глуша, Нижние Широцы — Верхние Широцы* и т. д.). Одинаковые названия рек различаются определениями *Нижний — Верхний, Большой — Малый, Белый — Черный* и другие, например в бассейне Малого Серета есть два левых притока с именем *Солонец*; они различаются как *Верхний Солонец* и *Нижний Солонец*; Нижний Солонец образуется двумя истоками, которые тоже называются *Солонцами* и различаются как *Большой Солонец* и *Малый Солонец*. Истоки крупных рек часто различаются определениями *Белый — Черный*, например Черемош образуется слиянием *Белого Черемоша* и *Черного Черемоша*, Тиса — слиянием *Белой Тисы* и *Черной Тисы*.

Дифференцирующими элементами могут быть и указания на национальное или административное различие, локализация расположения и т. д. Так, два одноименных села Банилова на Буковине различались как *Русский Банилов* и *Волошский Банилов*, а позднее как *Баналов над Черемошем* и *Банилов над Серетом*.

Названные (и другие) пары дифференцирующих топонимических определений могут не иметь одинакового значения в разных случаях употребления, например пара *Верхний — Нижний* указывает на расположение по течению реки или относительной высоте. Они могут заменяться другими парами. Так, села Черновицкой области УССР *Большая Буда* и *Малая Буда* встречаются в памятниках с именами *Верхняя Буда* и *Нижняя Буда*; села *Старые Мамаевцы* и *Новые Мамаевцы* в некоторых справочниках именуется *Верхними Мамаевцами* и *Нижними Мамаевцами*.

Таким образом, в этих парах важна констатация самого различия, а не тою, в чем это различие заключается. И в данном случае, как и во всех вообще топонимах, существенно только топонимическое значение, а этимологическое значение оказывается факультативным.

Количество противопоставленных дифференцирующих элементов не ограничивается парой. Их есть столько, сколько одноименных объектов по данной территории, например. *Нижний, Средний, Верхний* или *Первый*,

Второй, Третий и т. д. Из этого следует что топонимические противопоставления несводимы к дихотомии.

Одинаковые топонимы разных классов как правило не дифференцируются, различаясь своими классами. Для их размежевания достаточно употребить номенклатурное название, например город *Москва* — река *Москва*, город *Хорол* — река *Хорол*. Этим фактом, кстати, иллюстрируется отсутствие индивидуального противопоставления у топонимов разных классов.

Время и пространство предоставляют в распоряжение топонимической системы весьма разношерстный материал, организовать и упорядочить который нелегко, так как раз возникшее топонимическое название получает большую устойчивость, закрепляясь силой традиции. Поэтому топонимическая система проявляется в виде тенденций, а не непреложных законов. Поэтому же топонимические процессы, связанные с действием топонимической системы, лучше всего обнаруживаются в развитии названий незначительных географических объектов, так как в этом случае круг людей, знающих и употребляющих топонимическое название, относительно невелик и, соответственно, менее сильна традиция.

Однако это вовсе не означает факультативности топонимической системы. Определение действия этой системы как тенденции, а не з а к о н а, объясняется тем, что есть множество случаев, в которых по требованию системы, казалось бы, должно произойти изменение, однако изменение не происходит. Другими словами, есть множество нарушений системы (на парадигматической оси). Однако очень мало случаев, когда за происшедшим в топонимическом названии изменением не оказалось бы, часто наряду с другими факторами, топонимической системы. Исключение могут составлять изменения, введенные административным порядком, если они создаются без учета продуктивности топонимических рядов.

Единая топонимическая система охватывает всю территорию распространения одного языка или даже группы близкородственных языков. Так, территория распространения русского, украинского и белорусского языков представляет, по-видимому, одну систему. Реализуется же топонимическая система в каждом случае на сравнительно небольших территориях. Размеры этих территорий как-то связаны с топонимическими ареалами, однако

данный вопрос требует специального изучения. Практически эти территории могут быть выделены по наличию одинаковых топонимов одного класса, которые не подвергаются дифференциации. Они взаимопересекаются и в целом охватывают всю территорию распространения языка (языков).

Таким образом, полезным и многообещающим является не только диахроническое, но и синхроническое изучение топонимических названий, то есть изучение бытующих на определенной территории топонимов безотносительно к их происхождению. Главную цель такого изучения можно видеть в установлении организации разных топонимов одной территории, в установлении топонимической системы. Топонимическая система включает в себя: 1) инвентарь образующих средств, 2) оппозиции этих образующих средств, 3) территорию, на которой эти образующие средства реализуются.

Топонимическая система является одним из основных факторов обычного, то есть стихийного, развития топонимии. В целом это развитие можно определить как равнодействующую трех сил. С одной стороны, сила традиции стремится сохранить «как было», а система — произвести оптимальную для функционирования перестройку топонимов. С другой стороны, сила человеческой пытливости постоянно внедряет в топонимические названия какую-нибудь внутреннюю форму, а система «очищает» топоним от этой внутренней формы, поскольку она необязательна для функционирования собственных географических названий.

